

Е. КОПЫЛОВ

ПРЕНИЯ НА ЛУГУ

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 10

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 10

Е. КОПЫЛОВ

ПРЕНИЯ
НА
ЛУГУ

Рисунки А. БАЖЕНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА 1960

ЕВГЕНИЙ КОПЫЛОВ

Евгений Николаевич Копылов родился в 1909 году в Челябинске. Первые стихи опубликовал в 1923 году в газете Сибирского военного округа «Красноармейская звезда». Выступал со стихами также на страницах комсомольской печати.

С шестнадцатилетнего возраста в течение 30 лет был журналистом. С 1946 года — член КПСС.

В годы Великой Отечественной войны Е. Копылов работал в газете Печорской железной дороги. После войны переехал на постоянное жительство в Молдавию. Здесь он написал повесть «Грозы проходят», опубликованную в республиканском журнале «Октябрь», издал три сборника сатирических стихов и комедию «Ее родина — Африка».

Шли у девчат большие премии:
— Неужто куплен, а не
премия!

И речь вели умы артельные,
Что до сверкающих вершин
Теперь, по данным
бухгалтерии,
Всего какой-нибудь аршин,

В те дни стояла хмурая
осенняя.

Заморосило — Нет спасения!

Рудой на ток
Рукою мастерской
Повел авто из гаража,
И «ЗИЛ» летел:
До парикмахерской
Была дорога хороша.

А чуть подальше
По обочины
Все повороты заболочены.

На них Рудой взирал гадательно
Минут, пожалуй, до пяти.
Был верный путь у председателя:
Ему побриться бы пойти.

Но он протяжно дал сигнал,
Рванул авто —
И
В грязь вогнал.

В итоге этой операции
Пришли в смятение языки.
По телефону и по рации
Они кричали из «Оки»;

— Пошлите парня с тягачом,
Авто не вынуть ничем!

Да,
В положение самом аховом,
Дискредитируя «Оку»,
Здрав колеса перед
«Пахарем»,
Авто лежало на боку.

Рудой, подтянутый
по-прежнему,
Внушал водителю проезжему:

— Гляди, хлеба какие
скошены,
Какая светлая стезя!
Так почему в авто роскошное
Миллионерам сесть нельзя?

Водитель выслушал
участливо:
— Согласен с доводом
отчасти я.
Стезя проверена «Окой».
Стезя для «ЗИЛа»
подходящая.
А где дорога?
Никакой!

Пускай не стелются полотнами
Шоссе в изысканной красе.
Но дайте плотное,
Добротное
Обыкновенное шоссе!

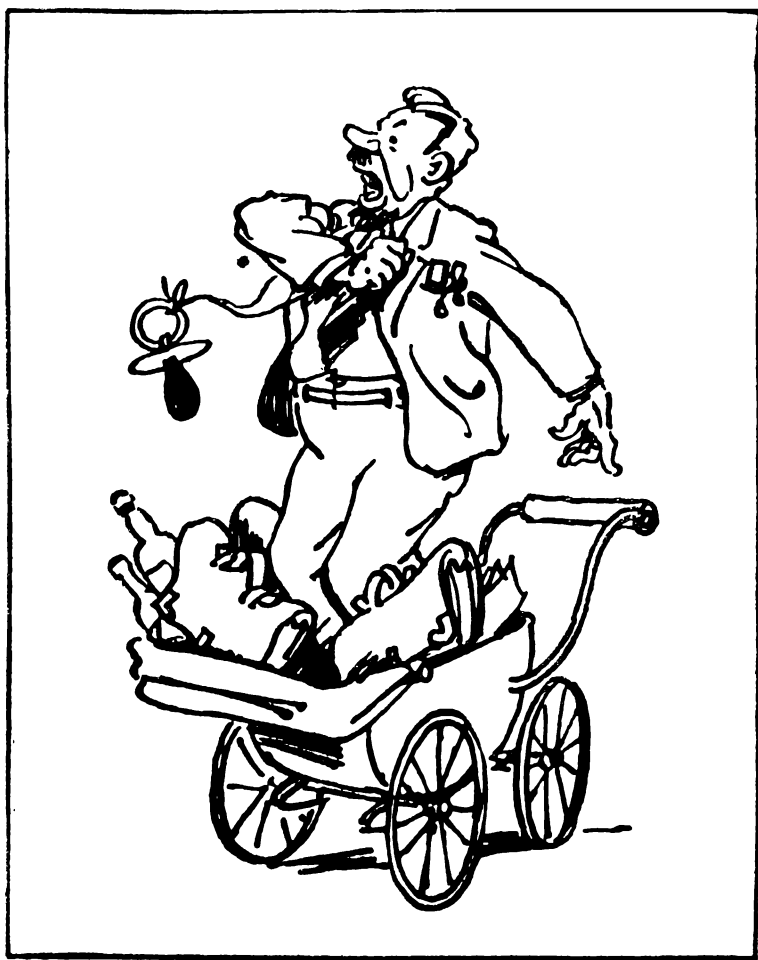
СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

У Никодима Мастакова
Одни дебюты.
Что ж такого?
Не унывает Мастаков.
Ведь можно, действуя толково,
Найти немало простаков.

Полгода был товароведом,
Хотя товар ему неведом.
Был виноделом год подряд.
Ушел, закуской недоволен.
Был астрономом, но уволен
Как безнадежный верхогляд.

Тогда отправился в полет
Уже по линии вокала,
Хоть знают все, что он поет
Лишь после третьего бокала.

Бранили в хоре Никодима:
— Его убрать необходимо!
Но он сурово дал отпор:
— Я молодой, я с малым стажем.
Я не охвачен инструктажем.
Я возмущен... До коих пор?!

И поспешил признать худрук,
Что стиль его подмечен точно,
Что он безрук и близорук,
Что в хоре практика порочна,
Что надо...

Словом, Никодим
Из боя вышел невредим.

За двадцать лет герой рассказа
Сменил до сотни всяких мест:
Дворец культуры,
Нефтебаза,
Союз поэтов,
Брынзотрест.

Когда бранили Никодима,
Он тряс сердито бородой:
— Меня учить необходимо.
Я литератор,
Дегустатор,
Администратор —
Молодой!

Уйдя на пенсию в итоге,
Глотал он бром и люминал.
Лечился содой от изжоги —
По десять ложек уминал.

Но и без должности и звания
Не забывал своих манер:
Теперь он требовал вниманья
Как молодой пенсионер.

Он жив и ныне, но не скажем,
Что изменился в чем-то дед —
Все никакого стажа нет,
Есть только молодость со стажем
По меньшей мере в сорок лет.

ПРЕНИЯ НА ЛУГУ

За леском за дальним
Встретили приезжего:
— Вы с каким заданьем?

Он ответил вежливо:
— Еду, девушки, гужом
На деревню лектором
С двухпудовым багажом
По вопросам некоторым.

Оглядели мы тетради,
Что у дяди под рукой,
Попросили:
— Бога ради,
Поясните, кто такой.
Приезжали без лица
К нам четыре близнеца.
И, поскольку мы девчата
С огородным профилем,
Нас и устно и печатно
Доняли картофелем.
Уезжали, молвивши:
— Девушки-подружки,
Знайте только овощи —
И никакой петрушки!

Мы связали на вокзале
Их тетради бечевой,
Лишь бы речи не сказали
Огородно-бахчевой.

Мы ударницы бахчи,
Мы ровесницы почти.
В огороде были мы,
В хороводе были мы.
Напевали и плясали
У речной излучины.
Наши песенки лесами
И рекой заучены.

Мил зовет на «Фауста» —
Говорю: пожалуйста.

У Фомы-
 туриста
Выступлений
 триста.
А видал у парижан
Только лук да баклажан.
Лекция об атоме
Заправлена томатами.
С корнеплодами балет —
Полтора рубля билет.

Покривило встречного
Кислою гримасой:
— Зубоскалить нечего
Над работой массовой.
Повезли бы всей деревней
Своего ходатая:
Дескать, опыт сельдерейный —
Тема бородатая.
Надоела, мол, дорожка
За леском да у леска.
Мол, элитная картошка
Однобока и узка.
Дескать, вы бы просветили,
Где и что «галактика»,

Там какие перспективы
И какая практика?
— Между прочим,
В основном
Я, девочки,
Астроном.

Мы манили, уещали
Дядю из галактики,
Обещали перед щами
Свежие салатики.

— У меня другая трасса! —
Он ответил с тарантаса.—
В киноклубе «Рыбака»
Ждут меня любители.
Наша тема глубока:
Почему
 чебака
Нету на Юпитере.

ПТИЧКИ

ПредФЗК Семен Дуда
В графе культмассовой и прочих
Поставил птичку, а не прочерк,
И тем душа его горда.

О эти птички!
Не постичь их.
Пусть в работе нелады,
Но украшают стаи птичек
Отчет товарища Дуды.

Культурно-массовые птички,
Технологические птички —
Игра
Досужего пера
И сладкой розовой водички.

Узрел Дуда в инструментальной:
Тупы зубило с долотом.
Он принял меры моментально,
Чтоб заострить вопрос о том.

Он отразил зубило в акте,
Словами гневными гремя.
Он предложенья к новой вахте
Дополнил пунктами гремя.

Провел десяток совещаний
По обсуждению обещаний,
Причем широкое одно
Прошло с торговлей овощами
И девять — с помощью кино.

Писал служебные записки
И, получив ответы с мест,
На две бездушные отписки
Послал решительный протест.

Проблема старого зубила
Все канцелярии забила,
Что озадачило Дуду.
И решено Дудой было
Их перестроить на ходу.

Он долго нес ярмо воловье.
Зато теперь в активе есть
Такое птичье поголовье,
Что сразу трудно перечесать.

Культурно-массовые птички,
Технологические птички
Большой успех
Нашли у всех,
Кто часто верит по привычке.

А для Дуды еще утеха:
Ему внушили птички те,
Что весь секрет его успеха
В принципиальной остроте.

Но если б он к инструментальной
Направил вновь свои стопы,
Узнал бы он финал печальный:
Зубила все-таки тупы.

ИСПЫТАНИЯ ТОВАРИЩА КАЗАНКА

Встречались вы в Боброве
С Борисом Казанком?
Брюшко, густые брови...
Кому он не знаком!

На улице Советской,
В конторе «Строймонтаж»,
Любил он кабинет свой
И свой седьмой этаж.

Подняв повыше шторы,
С утра и дотемна
За стройками конторы
Следил он из окна.

С лесов для обработки
Борису Казанку
Строительные сводки
Носили по звонку.

Нередко
В выходные
Писал он докладные.
Случалось, что задачи
Он помнил и во сне.

Старался, чтобы гладко
Товарищам из главка
Неплановые дачи
Готовили к весне.

Его аттестовали:
— Старательный мужик!
Его премировали
Путевкой в Геленджик.

Нежданная проверка
Сломила Казанка.
Звезда его померкла,
Судьба была жалка.

Увидел он воочию:
Грозит ему отставка.
Неотвратимо горе,
Приказ уже несут...

Но нет, по полномочию
Товарищей из главка
Директору
в конторе
Должны устроить суд.

Собрав счета и сметы,
Судил его местком,
А он давал ответы
Внушительным баском.

Во избежанье сплетен
Он был вполне корректен:
Позволил отлучиться
Судье — секретарю.
Преподнесли напиток —
Сказал:
— Благодарю!

Но все-таки дрожали
В руках суда весы,
Поскольку заседали
В рабочие часы.

Все кончилось решением,
Что виноват местком,
Что был он с положением
В конторе незнаком.

И вновь для обработки
Борису Казанку
Строительные сводки
Носили по звонку.

Но вот настали сроки —
Замолк его звонок.
Пешком идет на стройки
Товарищ Казанок.

Хотя он очень занят,
Но ходит по лесам,
Во все углы заглянет,
Везде побудет сам.

Тут нет сенсационного.
Единственным ключом
Нам служит моцион его,
Назначенный врачом.

Толстяк, гонимый кознями,
На моцион ворча,
Сейчас готовит к осени
Квартиру для врача.

Таит мечту привычную,
Что даже врач — и он,
Узрев услугу личную,
Отменит моцион.

КОЛБАСА И ПЕРСПЕКТИВА

Директор мясокомбината
Уже заканчивал доклад.
Еще всего одна цитата
Из двадцати пяти цитат.

И он цитирует.
Но в зале
Вдруг раздается чей-то бас:
— Вы нам, товарищ, не сказали
О низком качестве колбас!

Оратор кашлянул и тут же
Нашелся, строго заявив,
Что видеть вещи надо глубже
И только в свете перспектив.

— Насчет колбас немало писем.
Но с нашим творческим огнем
Мы их до уровня повысим
И, безусловно, развернем!

Настало время перекура.
Докладчик, взятый в оборот,
В своем буфете просит хмуро
Стакан сидро и бутерброд.

Дают...
Но разве он ослеп!
Ведь это хлеб,
И только хлеб
Пустой —
Хоть дайте на анализ!

Буфетчик спорит:
— Вы зазнались!
И усмехается в усы:
— Беда нам с публикой
строптивой!..

Наш бутерброд
Без колбасы,
Зато с хорошей перспективой!

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Блеклые глазки таинственно сузив,
Марья Петровна вошла в кабинет.

— Вы не читали?.. Разводится Гусев!
Счастья семейного якобы нет.

Гусев учился на курсах столичных,
Был у бухгалтера правой рукой.

Кто бы подумал, что этот отличник
Вздумает счастье искать у другой!

Временно ставший главою конторы
Зам Переломенко, видя сигнал,

Вызвал виновного басом, который
Всю бухгалтерию в трепет вогнал.

Гусев стоит, улыбаясь неловко.

— Что за причина?

— Люблю и любим!

— Чья установка?

— Дана установка

Только сердцами —

Ее и моим!

Практику эту считая порочной,

Гневно диктует помощнику зам:

— Гусева выгнать и авиапочтой

Данный приказ разослать по низам!

— Оставим Ромео.

Суд за любовь головы не сечет.

В ответ загремело,—

— Да, разумеется, следует высечь.

Только учтите, что Сила Денисыч,

Злая догадка ужалила врио:

Вдруг истолкует событие криво:

Дескать, спасибо за тонкий намек?!

Зам побродил в тишине кабинета.

— Ладно, — сказал через десять

МИНУТ.—

Может, и есть она... как ее... это...

То, что поэты любовью зовут!

СЕМЕНУ ФОМИЧУ УДАЛЯЮТ ЗУБ

Семен Фомич Пирамидон,
Руководящий здравотделом,
Не принимал, поскольку он
Был занят очень важным делом.

Шестые сутки, не жалея
Ни сил, ни перьев, ни ел, я,
Он с десяти до десяти
Готовил планы юбилея
Ему доверенной сети.

Он исписал бумаги гору.
Еще бы час...
Но вот — изволь! —
Вдруг началась зубная боль,
Такая боль, что плакать впору.

Что делать?
Право, не годится
Ему, Семену Фомичу,
Спускаться в зубоединицу
К нижестоящему врачу.

Он дал заказ на телефон —
И разговор его недолог:
Болеет он, Пирамидон,
Пусть срочно едет стоматолог.

Явился врач.
Но от приемной
До кабинета путь огромный.
Беседа с техсекретарем:
— Простите, вы по юбилею?
Ах нет?.. Я очень сожалею.
Придите завтра к четверем.

Что?! Удалять хотите зубы?
Так напишите обо всем.
Мы подберем таких, кому бы...
Найдем, увяжем, утрясем.

Я понимаю, вам нужны
Те, что всегда ведут дебаты,
Что не по возрасту умны
И не по званию зубаты.

Вам надо зава?
Он в обкоме.
Но люди, право,
Есть и кроме.

Мы остановимся на заме.
У нас на все особый зам:
И по общению с низами,
И по зубам, и по глазам.

Тут кто-то охнул. И вторично.
Стонал заведующий. Лично.
И врач со всем инвентарем
Вошел к больному на прием.

Полулежа, полудыша,
Как будто скованный истомой,
Больной отметил зуб искомый
Кривой чертой карандаша.

Готова схема для врача.
Блеснула струйка хлорэтила,
И рот Семена Фомича,
Похоже, стужей охватило.

— Так. Хорошо. Прошу терпенья.
Я вам, Семену Фомичу,
Довольно горькие хочу
Свои поведать наблюденья.

Я к вам давно искал пути.
Но ваши стражи были зорки.
Мне удалось сюда войти
Лишь раз, и то в часы уборки.

Я вам звонил,
И вы вначале
Своим ответственным баском
Мне неизменно отвечали,
Что срочно едете в обком.

Потом ответил чей-то бас,
Что вы вчера испили квасу,
Что вы охрипли в тот же час
И что ему, густому басу,
Басить поручено за вас.

Я написал вам три письма.
Вы были тронуты весьма.

Вы летом дали резюме
В тонах сусально-голубиных,
И с тем легли они к зиме
В геологических глубинах...

Лицо Семена Фомича
Покрылось темной синевою.
Он сжал кулак над головою,
Невразумительно мыча:

— П-ошу ос-авить ка-инет!
Я вам сказал: п-иема н-нет!

Какой подлец!
Он дышит ядом.
Какой отчаянный нахал!..

Семен Фомич с унылым взглядом
Себе на щеку помахал.
Он не желает поученья.
Его от критики уволь.
Коль такова цена леченья,
Он предпочтет зубную боль.

ПЕСНЯ О КОМПОЗИТОРЕ

В Пачелме его увидят,
Величают:
— Юлий Гуд!
В Пачелме он только выйдет,
Мальши за ним бегут.

Отчего он знаменитый,
Носит ноты
Почему?
Он какой воспел сюитой
Дальний город Пачелму? .

Юлий делает начало.
Пятый год изводит пыл,
Чтоб душевнее звучало:
«Чижи́к-пыжи́к, где ты был!»

Он не Глинка, не Пуччини —
Муза впала в нищету.
У него по той причине
Сто нагрузок на счету.

В клуб
На поиски талантов,
На заводы и в район
От союза музыкантов
Непреренно едет
он.

Едет, лекции читает.

Он читает

и уже

По две темы сочетает:

О чиже

И о пыже.

Едет с музыкой — баяном

И с трубой

для куража.

Без бокала будешь пьяным

От его чижа-пыжа.

Он прошел четыре школы,

Он по бегу чемпион.

Всюду,

Даже на уколы,

От союза ходит

он.

Этой практикой обширной

Он кого не улестит?

Хорошо за этой ширмой

Тем, кто в музыке мастит,

Кто, витая в поднебесье,

Может прозой пренебречь...

Но, простите,

В этой песне

Не о них ведется речь.

Пусть мишенью служит Юлий:

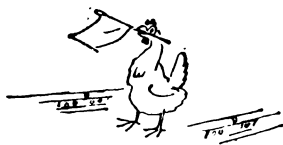
Он не метит в Пантеон.

Видя горькие пилюли,

Их глотает

только он.

СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ

Стоянки не было в Хвостове.
А поезд шел.
Был близок он.
Дежурный с жезлом наготове
Поспешно вышел на перрон.

Уже белел дымок ажурный.
Взревел гудок в тиши немой.
И вдруг зажмурился
 дежурный,
Присел дежурный...
Боже мой!

Его хохлатки на пути.
Его добро.
С ума сойти!

Он их зовет,
А курам — шутки.
Ведут куриный хоровод.
И в этом жутком промежутке
Застыл от страха куровод.

Бедняга дышит еле-еле.
Как уберечь себя от бед?...
Стучат колеса...
Неужели
Его добру спасенья нет?

Конечно,
Служба, если взвесить,
Ему безмерно дорога.
Но пусть бы куриц было
десять,

Так нет,
Их больше сорока.

Их сорок две!
Быть может, это
На службе вовсе не резон.
Но ведь сейчас в разгаре лето,
Они несутся,
Им сезон.

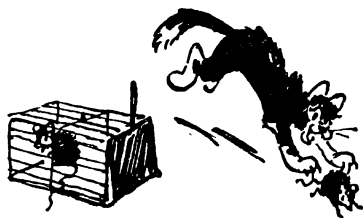
Пускай и тут он судит ложно,
Пускай ошибка,
Ведь потом
Ее вполне исправить можно
Самоотверженным трудом.

Привычно взвесив обстановку,
Дает дежурный остановку...

* * *

Я эту быль читал соседу.
Он был готов идти по следу.
Гремел он:
— Типа упечем,
Когда в руках такие нити!
И тоном ниже:
— Извините,
У типа курица...
Почем?

О ЛЮБВИ

Фомин заведует конторой
«Межрай-
картофеле-
загот»,
Завезено на склад которой
Ведро картофеля за год.

Здесь коллектив довольно старый.
Он занимает неспроста
По состоянию мешкотары
Одни отличные места.

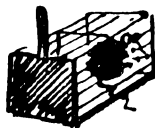
Его борьбою с грызунами
Гордится местная печать.
Ему за хор
Хотели знамя
«Союзкартофеля» вручать.

Благодаря успехам этим
Везде, где лучших имена,
Мы на переднем плане встретим
Большое фото Фомина.

Что ж, на контору мы не ропщем!
Есть лежебоки, есть актив.
Как говорится,
Это, в общем,
Вполне здоровый коллектив.

Мы согласимся даже с теми,
Кто заверяет вновь и вновь,
Что безгранична их любовь
К заготовительной системе.

Одно смущает нас немножко,
Одна любовная деталь:
Любовь-то все же не картошка,
И это, право, очень жаль.

ЛАК И ДЕГОТЬ

До похвалы и денег лаком,
Олег писал романы лаком.
Но не принес удачи лак.
Теперь, творя под новым
флагом,
Он только в дегте ищет благ.

**Вы расточительны, Олег!
Оставьте дегтя для телег.**

БЕСЕДА

В колхозе «Труд» торжественно
встречали

Приехавшего гостя — свинаря.
Его качали
С музыкой вначале,
Потом еще без музыки качали.
Не подкачали, честно говоря.

Под выходной назначена беседа,
Рассчитанная душ на пятьдесят,
С рассказом приглашенного соседа
О раннем рационе поросят.

Правление для пользы рациона
Билеты разослало, охватив
Всех основных работников района,
Торговый и хозяйственный актив:

Перепеленко с базы нефтесбыта,
Сидоркин из конторы общепита,
Нырков из райгутапа
И Седов —
Заготовитель ягод и плодов,
Как представитель города Ирбита.

В число гостей попал животновод.
В раздумье, продолжительном
и тяжком,
Учили, что он уже который год
В колхозе держит первенство по
шашкам.

Столы с утра готовили к беседе.
Ответственный за вечер агроном
До одури носился на «Победе»,
Вино заготовляя в основном.

Он угостил на славу гармониста,
Чтоб, не жалея силы и огня,
Тот гармонист ударил голосисто
На полные четыре трудовня.

Влекомые колхозным рационом,
Собрались гости в зале лекционном:

Перепеленко с базы нефтесбыта,
Сидоркин из конторы общепита,
Нырков из райгутапа
И Седов —
Заготовитель ягод и плодов,
Как представитель города Ирбита.

Налили. Закусили. Той порой
Держали речь по существу вопроса.
Затронули период опороса
И весело налили по второй.

При этом так ударила гармошка,
Что агроном, закончить не успев
И будучи чувствительным немножко,
Последний вывод сделал нараспев.

Но это не заметили, наверно,
Поскольку были все увлечены
Обзором достижений свинофермы
В разрезе колбасы и ветчины.

Дальнейшее естественно и просто:
Беседа шла,
И тостов было до ста.
Их поднимали вечер напролет
За новые успехи свиноводства
На три десятилетия вперед.

А утром,
Вид утратив элегантный,
Испытывая зуд и костолом,
Поверженные зоопропагандой,
Лежали рядом в зале
Под столом:

Перепеленко с базы нефтесбыта,
Сидоркин из конторы общепита,
Нырков из райгутапа
И Седов —
Заготовитель ягод и плодов,
Как представитель города Ирбита.

И все-таки не скажем,
Что бесследно
Прошла в колхозе
Данная беседа.

Во-первых, наказали счетовода
За то, что он
Забыл послать билет
Директору кирпичного завода.
А во-вторых,—
И это тоже след! —
Три тысячи списали на обед.

ДРУЖБА

Его судьба была завидна.
Сиял Арсений Сидорук:
Свояк Арсения и друг
Был головою «Главповидла».

Их дружба нежная росла.
Она вошла в такую фазу,
Что, право, не было числа
Звонкам начальника на базу.

Потом, в итоге потрясений,
Он стал директором кафе.
И, дружбе преданный,

Арсений

Ходил отныне подшофе.
Съедал недюжинный атлет
Не меньше дюжины котлет.

Теперь не тот его запал:
Приятель данного атлета
За что-то темное попал
В администраторы балета.

Когда ушла сюда «рука»,
Поблекли дни Сидорука.

Ему в театре тесно, жарко.
На сцене вся игра нема:
И не поют и слов нема!
Зато в кармане контрамарка.

И потому зимой и летом —
И в дождь, и в холод, и
 в туман —
Всегда следит он за балетом,
Как самый злой балетоман.

Но друг отходит от искусства,
Коварно линию держа
На заготовки фуража.

Сидоруку до боли грустно.
Он этой вестью поражен:
Что будет делать
С фуражом?

ЧТО ДАЕТ ФЛЮС

Когда главбуха Белоуса
Очередной терзает флюс,
Завхоз Кутейников
Союз
Спешит крепить на базе .
флюса.

Все подчинив одной задаче,
Он не жалеет свой покой.
Идет на службу
Не иначе,
Как с перевязанной щекой.

И флюс,
Помноженный на флюс,
Дает Кутейникову плюс.

НА ПАСЕКЕ

Как Топтыгин в басенке,
Ходит дед по пасеке.
Подъезжает предколхоза,
В китель шелковый одет,
Отряхнулся, глянул косо,
Процедил:
— Здорово, дед!
Старый пасечник Никита
Был на критику мастак.
Он подходит и сердито
Заявляет: так и так.
Дескать, парень вы при чине.
Разъясните мне вопрос:
По какой такой причине
На посеян медонос?
Резолюций были кипы.
А скажите, кто учел,
Что от этой вашей липы
Мало радости у пчел?
Бойко вынув сигарету,
Председатель говорит:
— У пчелы масштаба нету,
Очень малый габарит.—
И движением поэта
Он касается чела:
— Ну, добро была бы это
Укрупненная пчела!

ОТКРОВЕННАЯ СЛЕПОТА

Уже давно известно то, что
Пантелеймонов Калистрат
Руководит весьма порочно,
Не видит брака и растрат.

О нем не менее недели
Вели дискуссию в поту,
В конце концов его хотели
С поста убрать за слепоту.

Но так как он грехи не прячет,
Втирать очки не норовит
И признает себя незрячим,
Ему поставили... на вид

КОНСЕРВАТОР

Какой-то пьяный гражданин
Был под забором обнаружен.
Подходит юноша один,
Одет в пальто и безоружен:

— Довольно мокнуть под дождем.
Вставайте быстро и пойдем!

Тот поглядел непогрешимо.
В глазах обида и вопрос:

— Ты кто?

— Народная дружина.

— Тогда ты носом не дорос.

Ложится снова.

Кепка рядом.

Под головою каравай.

— Н-не нарушай, малец, порядок.
Ты мне м-милицию давай!

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ

Пришел в правление лирик
Зет,
Ему нужна командировка.
Он не проситель —
Он поэт.
Ему просить весьма неловко.

Но — и при этом лирик Зет
Прошелся зло по кабинету —
Ведь должен он искать сюжет,
Поскольку здесь готовых нету.

И вот собрался целый кворум.
За Зета ратуют друзья.
— Послать! —
Они сказали хором.
Другие морщатся:
— Нельзя!
Какой он, собственно, поэт!

Немного Зет,
Немного Фет,
А остальное —
Из газет.

Но тут нашлась другая тема
Для размышлений и речей,
У Зета справки от врачей:
Ослабла нервная система.

Поговорив, решает кворум:
Признать поэта Зета хворым.
Симптомы есть,
А посему
Пускай поэт в пределах сметы
Поисщет жгучие сюжеты
На Волго-Доне и в Крыму.

К концу пути написан очерк
Почти на десять тысяч строчек.

Его читали две недели
Без перерыва на обед.
И наконец, достигнув цели,
Изрек сурово редсовет:

Немного Зет,
Немного Фет,
А остальное —
Из газет.

Но решено учесть расходы
На ежедневный рацион,
На поезда, на пароходы,
На то, что все же лирик он.

Редактор очерк обкорнал
И начертал на нем:
«В журнал!»

СОДЕРЖАНИЕ

Артель купила «ЗИЛ»...	3
Секрет молодости	7
Прения на лугу	10
Птички	13
Испытания товарища Казанка	15
Колбаса и перспектива	19
Романтическая история	21
Семену Фомичу удаляют зуб	23
Песня о композиторе	27
Случай на станции	30
О любви	32
Лак и деготь	34
Беседа	35
Дружба	39
Что дает флюс	41
На пасене	42
Откровенная слепота	43
Консерватор	44
История одной командировки	45

Евгений Николаевич Копылов

ПРЕНИЯ НА ЛУГУ

Редактор С. Смирнов

Подп. к печати 14/IV 1960 г. Объем 0,75 бум. л. 70 × 108^{1/8}, 2,05 печ. л.
 А00287. Тираж 233 000. Уч-изд. л. 1,81. Изд. № 455. Заказ № 405.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
 Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 80 коп.

